

Лекции в YouTube-блоге психотерапевта и основателя детского «Эпицентра семьи и культуры» Екатерины Сокальской собирают по полмиллиона просмотров: видео, где она рассказывает, как справиться с реалиями нового времени, моментально расходятся на цитаты, ибо работают. Екатерина записала *два бесплатных онлайн-маарафона*: первый вышел после пандемии, второй — после начала спецоперации. И это не коучинг, а фундаментальная система, основанная на ее авторском трансформационном курсе «Духовный цикл» — результате двадцатипятилетней профессиональной практики.

ЕКАТЕРИНА СОКАЛЬСКАЯ

Кольцо и кулон Mercury
 коллекция Miss Russia.
 юбка Dorothee
 Schumacher, рубашка
 MM6 Maison
 Margiela

«ЧТОБЫ ПСИХИКА МОГЛА СПРАВИТЬСЯ С ЛЮБОЙ СИТУАЦИЕЙ, ОТВЕТЬТЕ НА ГЛАВНЫЙ ВОПРОС: «ЧТО ПРОИСХОДИТ?».

Марафон состояний — бесплатный онлайн-курс на YouTube по основам духовной психологии — я записала в благодарность. Год назад у нас произошел пожар — сильно пострадал центр на Васильевском острове, в котором я много лет проводила семинары и встречи. Про это узнали, и я не ожидала, что такое большое количество людей поможет нам справиться с последствиями пожара. Мне захотелось сказать всему миру «благодарю», и я решила поделиться моими новыми знаниями. В итоге получилось девять эфиров о том, что происходит с психикой и как с этим можноправляться в реалиях настоящего времени. Если кратко: чтобы понимать, какправляться с происходящим, нужно ответить себе на вопрос: «А что происходит?» — и научиться слышать и видеть ответы пространства. Еще несколько лет назад я не читала лекции в интернете. Сейчас все поменялось. После начала спецоперации я чаще выступаю в прямом эфире, записываю видео. Я поняла, насколько важно сейчас дать людям инструменты для работы с собой, и с марта этого года запустила второй марафон — «Все изменилось. Как жить в новом мире», он тоже бесплатный. Оба марафона — это фрагменты из моего основного авторского курса «Духовный цикл».

«Духовный цикл» — это поэтапное выстраивание фундамента психики и наращивание новой системы восприятия. Он состоит из десяти блоков и рассчитан на полтора года внимательной работы с собой. Обычно около 80 процентов участников приходят на курс, чтобы решить задачи: найти любовь, выйти замуж, родить ребенка, устроиться на хорошую работу, заработать больше денег. Ничего из этого мы обещать не можем — может, так произойдет, а может быть, и нет. Мы не можем дать гарантию достижения поставленных человеком целей. Но гарантируем, что жизнь и представления о ней начнут меняться. А это достаточно высокая зона риска — но и зона нереального интереса к тому, что будет предложено жизнью. Я бы назвала ее расширением. Это далеко не всегда приятный процесс: не происходит вообще ничего из того, что ты планировал. Но в этот момент случается жизнь! Для меня в этом есть главное — человек наконец-то становится живым!

Одна из основных задач «Духовного цикла» — вылезти из компенсаторной системы. Многие люди настолько мощно компенсированы, что прекрасно социально адаптированы и вполне деспособны. Но при этом есть какая-то дыра внутри, от которой они страдают и будут страдать с каждым годом все сильнее. Поясню, что это значит: 90 процентов своей энергии люди переместили в будущее, в планы, а в настоящем мало что осталось. И самих людей не осталось — они стали фантомами, заточенными на программы «спланированного успеха». Пришло время, когда энергия перемещается из будущего обратно к человеку, нужно снова ориентироваться в моменте и уметь выдергивать

неопределенность. А для этого нам нужно сильно замедлиться. Мир настолько разогнался, что психика не успевает за ним эволюционировать. У человека в норме цикличная «волновая» природа — за подъемом всегда следует спад. А человеку современному все время нужен результат, тонус, он боится любого снижения в значимых сферах жизни (хотя природа заложила именно так), и поэтому из «волны» мы превратились в линию. Мы должны снова стать «вольной», иначе вообще останемся безжизненным пунктиром.

С теми, кто сможет замедлиться и снова стать собой настоящим, все точно будет хорошо. И весь «Духовный цикл» ведет к тому, как это сделать и как жить из этого состояния. Объяснить сразу — невозможно, к усвоению этой информации ведет весь процесс обучения, поэтому курс длится полтора года. Человек должен проживить определенные состояния, научиться действовать не из напряжения, а из расслабления. А это непривычно и долго. Но когда ты встаешь в поток, к тебе начинают приходить исцеляющие события. Когда я вижу, с какой легкостью участники, прошедшие «Духовный цикл», переносят все, что происходит вокруг, то понимаю, что не зря работала. Кстати, у нас очень высокий процент «выпускников»: около 80 процентов доходят до конца, меня каждый раз это поражает.

«Духовный цикл» — это результат всей моей 25-летней работы, собранный по кусочкам. До недавнего времени я проводила только очные семинары и лекции и не думала, что когда-нибудь буду работать через интернет. И тем более не думала, что смогу выпустить такой сложный цикл онлайн. Ситуация с пандемией буквально вынудила перейти в другой режим работы, но открыла новые возможности и для нас, и для людей со всего мира, которые испытывают потребность именно в этой информации.

Все началось весной 2019 года. Примерно за год до начала пандемии на одной из лекций я затронула необычную тему. Я рассказала о том, что напряжение пространства настолько велико, что мы находимся в нескольких шагах от больших событий, которые могут сильно изменить наш привычный мир. Только если раньше при таком уровне напряжения одним из таких событий на Земле были войны, теперь это будет вирус! Поскольку современное оружие настолько мощное, что может уничтожить все живое, то вирусная эпидемия с точки зрения природной системы — это мера, снижающая напряжение в пространстве и позволяющая избежать начала войны, а значит применения ядерного оружия (это видео есть в записи, можно посмотреть в интернете). Помог ли вирус или просто произвел нашу суть, мы объединились и помогали друг другу или сделали из него «новую нефть» и источник дохода — решать вам. Сейчас имеем то, что имеем — себя настоящих.

Только хочу, чтобы было понимание — я не пророк: если внимательно наблюдать за определенными процессами в мире, уметь сопоставлять факты, понимать хронологию событий и закономерности развития человечества, — то можно начать видеть и понимать, как будут развиваться те или иные события. Через год после той лекции мы все столкнулись с COVID-19 и страхом, который он принес

с собой. Паника у людей была настолько сильной, что на «Базовом курсе детской психологии» вместо разбора одной из тем по подростковому возрасту я вынуждена была прочитать лекцию о коронавирусе. Я увидела глаза участников курса и поняла, что им нужна помощь. На тот момент я уже понимала, почему не стоит впадать в панику, и могла донести эту информацию до людей. Мы решили выложить часть моего выступления в открытый доступ, и это вызвало резонанс. Позже мы записали еще несколько видео на тему ковида, их посмотрели миллионы человек. Вскоре мои видео обрели популярность в интернете, и у нас образовался пул постоянных слушателей.

«НА МОИХ ЛЕКЦИЯХ В ИНСТИТУТЕ СТУДЕНТЫ ВИСЕЛИ НА ЛЮСТРАХ. ЭТО КАЗАЛОСЬ МНЕ, НЕОБЪЯСНИМОЕ ЯВЛЕНИЕ».

Свою первую «лекцию» я прочитала в шесть лет. Мы жили на площади Трезини, в Петровских конюшнях (ныне снесенных), у моей бабушки была комната в маленьком одноэтажном флигеле. Я рано научилась читать и писать. Во дворе, где гуляли дети из соседних домов, я соорудила учебную доску и стала объяснять другим, как это делать. Газета «Пионерская правда» тогда написала про меня, что я открыла свою «школу». До сих пор я считаю, что по специализации я преподаватель, а не психолог. Я могу объяснить любой материал: сделать слепок с какого угодно процесса и перевести его на доступный человеческому сознанию язык.

Всю свою жизнь я объясняю, как все устроено. Я всегда много училась. После школы поступила в Санкт-Петербургский медицинский педиатрический институт, и мне казалось, что учебник по анатомии написан на самом деле мной. Это удивительно, но я могла пролистать тему накануне и пойти сдать экзамен на отлично. Мне говорили: ты, наверное, много читаешь. А у меня было ощущение, что я вспоминаю или узнаю давно забытое.

Параллельно я училась в Восточно-европейском институту психоанализа и на курсе лондонского «Центра Анны Фрейд» (сейчас называется «Национальный центр Анны Фрейд для детей и семей»). — Прим. ред.), и при этом еще и работала. Институт психоанализа я закончила рано, в 22 года, и после защиты диплома ректор сразу предложил мне должность преподавателя. В результате семь лет я читала в институте курс «Детская, семейная и подростковая психоаналитически-ориентированная психотерапия». Это было по-настоящему интересное время, эпоха становления психологии и психотерапии в России. Со мной в параллели преподавали Альфред Щеглов и Лев Щеглов, две звезды психотерапии. Однако мои лекции вызывали у студентов бурный ажиотаж — люди буквально висели на люстрах, необъяснимое явление!

В 22 года меня взяли штатным психологом в ППМС-центр (бесплатный государственный Центр психологического-педагогической, медицинской и социальной помощи). — Прим. ред.), через год сделали руководителем отделения, и очень быстро у меня появилась собственная практика. Государственная ППМС-помощь предусматривала десять бесплатных приемов — для психотерапии этого мало. Тем не менее за это время

родители понимали, что я могу помочь не только их ребенку. Это фантазия, что проблемы у детей, лечила я в основном родителей. Они возвращались и говорили: «А нам теперь куда? Мы хотим к вам». Я сняла помещение, работала, проблем с клиентами не было, дети поправлялись, родителям становилось легче. В 33 я ушла в декретный отпуск, а после уже не вернулась в институт. Стала работать со взрослыми, открывала для себя новые пласти и возможности в психотерапии. А потом я открыла детский центр.

«САМОЕ ЖЕСТОКОЕ ИСПЫТАНИЕ — ИЗОБИЛИЕМ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ЗНАКОМ С СОБОЙ НАСТОЯЩИМ, ОНО ПРИВЕДЕТ ТЕБЯ К НЕОЖИДАННЫМ СЮРПРИЗАМ».

Когда у меня родились дети, я никак не могла придумать, куда же их водить. Обучение детей сегодня — настоящее испытание для родителей. Лучше всего мозг развивают музыка, математика и танцы, а именно: усилие, трудолюбие, умение действовать последовательно и с интересом. Надо заниматься развитием мозга и тела, а не учебой. Швейцарское образование всегда ценилось потому, что дети играли в гольф, катались на лошадях, учили четыре языка, а все остальное было между делом. Базовый принцип — игра, причем не ролевая, а командная. Детей никто не учит базовым системам управления жизнью: финансам, отношениям — вот что надо вводить в программу. Нагрузки в обычной школе не оставляют ребенку времени читать, гулять, ходить в театр. Я понимала, что мне нужно участвовать в развитии своих детей. На одном из детских занятий я познакомилась с монтессори-педагогом и влюбилась в ее талант. Вместе мы создали детский центр «Детская академия наук», который работал двенадцать лет. Там я реализовала свою потребность в инженерии.

Трудно объяснить, но мне кажется, что такая моя тяга к конструированию — это про создание исцеляющих пространств. Пространство «Академии» получилось настолько фантастическим, что через некоторое время мы не смогли вместить там всех желающих. Мой партнер создала собственный проект. После нашего расставания я создала новую программу обучения, и теперь это центр для семей и детский сад, он называется «Эпицентр семьи и культуры». Наши пути разошлись, но вместе с этим все мы приобрели много-гранный опыт. Открытие «Академии» — центральный этап моей жизни, который я считаю самой полезной, но ошибкой. Ошибкой, которая меня научила главному: занимайся только тем, чем хочешь заниматься сам.

У меня есть такое качество: я падка на талант. На талант я лечу, как мотылек на свет. Однако есть фундаментальное правило: талант — это Бог, а человек — это человек, и жить тебе приходится именно с человеком. Талантливым многое прощают, их долго терпят и смотрят сквозь пальцы на выходки, потому что понимают: они делают нечто великое. Но в моей жизни часто бывало так, что гений в своих человеческих проявлениях оказывался глубоко отвратителен. И с нарастанием признания и приходом денег в жизнь эта отвратительность становилась все более непереносимой. Самое жестокое испытание — изобилием. Если

ты не знаком с собой, оно приведет тебя к большим сюрпризам. Когда появляются деньги, в человеке проявляется разное, и часто это далеко не бабочки и розовые пони. Изобилие — отличная лакмусовая бумажка, показывающая, кто перед тобой на самом деле. Проявляются все тайные пороки. А в пороках талант разрушается, и работать становится невозможным.

«САМАЯ ЧАСТАЯ ФРАЗА В НАШЕМ КРУГУ: «ТАК НЕ БЫВАЕТ!».

Чудеса существуют, более того, это единственный способ жить. Чудеса заложены в нашу структуру психики. Но мы путаем чудо и наше «хочу немедленно». Я перестала насышивать пространство, отошлась ко всему так: окей, это не вышло, что же другое интересное меня ждет? Появляется ментальная гибкость, ты научаешься ждать. Недавно был смешной случай: я прихожу в магазин, выбираю обои, иду заказывать, а их нет в наличии. Естественно, мне нужны только они, и никакие другие не подходят. «Такие только в Пскове, вы же не поедете в Псков?». — «Нет, конечно, какой Псков? Пойду думать...» Ровно через два часа мне звонит друг и говорит: «Извини, не получится встретиться по работе, я еду в Псков». — «Замечательно! Купи мне, пожалуйста, обои!!!» Так происходит все время.

Способность видеть и понимать, как устроен мир, выращивается путем преодоления и разгребания нелегких жизненных ситуаций, а также постоянной терапии у хороших мастеров в течение 25 лет. В молодости я обижалась на события, не понимала их смысла: ребенок умер — ну как так могло случиться? Как с этим жить? Теперь, когда видишь всю картинку, каков был план, как тебя перевернули и на дорогу поставили, будто стрелку перевели, — ты все понимаешь и принимаешь глубоко внутри. А тогда было несогласие, и все, что ты сам себе организовал своим сопротивлением и упрямством, — это эмоциональный шторм. Ведь Вселенная логична до миллиметра. В работе над собой, помимо традиционных способов, я использую разные методы — расстановки, шаманские практики, регрессию, таро и много авторских методов. Смотрю, если ответы совпадают, значит иду верно. И конечно же, у меня бывают сомнения.

Три последних года — лучшее время

в моей жизни. Тяжело ли мне? Тяжело. Штанги тоже тяжело, но когда он поднимает штангу, то мышцы его поют. Произошло многое: сгорел наш центр, у меня были ковид и астения, меня просто вырубило на девять месяцев, я не понимала, как дальше жить в таком состоянии. Но из разных источников приходила информация: это не болезнь, а трансформация, разреши этому случиться. Так из гусеницы через растворение и астению собирают бабочку. Это и произошло. К концу этапа было прямо жутко: еще никогда я не брала столько часов психотерапии, чтобы понять все, что приходит. Посмотрела, переварила, разожгла и пошла пересказывать другим. Так и рождаются марафоны и новые курсы. Многие талантливые люди не выдерживают свою проводниковость, бывает больно, трудно, тяжело, кто-то подсаживается на наркотики, кто-то на психотерапию. Только в терапии ты не сворачиваешься, а каждый раз открываясь на пласт дальше, на пласт больше. И думаешь: ну нет, так не бывает. А жизнь подтверждает: бывает-бывает! Проводниковость утомляет, но тебя всегда за нее очень благодарят мир: разворачивает тебе волшебство за волшебством. К кому-то приходят по ночам стихи, а ко мне темы лекций: пока на бумаге не изложишь — не заснешь. Могу не спать неделю, две, три и получить исписанные тетрадки, стопки листов. Все последние лекции мне «загрузились» сверху. Звучат — и всё. Я записываю — и проверяю на практике. Когда идут сложные пласти, прибегаю к помощи специалистов, чтобы посмотреть глубоко себя самой, прожить на себе то, что родилось, и разложить материал. Это большая работа, и кто-то должен сопровождать тебя во время этого путешествия. Иногда слушатели воспринимают меня как гуру. Они думают, что свет идет от меня, но это не так — это в них все откликается и отзывается, настолько сильна потребность в этих знаниях. С ними происходит «расщелкивание» души. Этот процессносит такое облегчение, что человек готов пройти этот путь, ведь ты как будто выныриваешь из боли и тоски и говоришь: «Понял!» — это энергия, наконец, разблокировалась.

«ТОЛЬКО ПСИХОТЕРАПЕВТ ИЗ ПЕТЕРБУРГА МОЖЕТ ВОДИТЬ ЛЮДЕЙ В ТЕАТР».

Есть ли у моего метода петербургский почерк? Смешной вопрос! Хотя какой еще психотерапевт водит людей в театр? «Марафон состояний» заканчивается шемякинским «Щелкунчиком» в Мариинском театре, а на программе «Духовного цикла» все участники должны посмотреть спектакль «Поминальная молитва» в «Театре Дождей», и там же величую постановку Натальи Никитиной «На дне»: в жанре черной комедии становится понятно, что быть на дне — это выбор, и никто из героев не хочет никуда вырываться, все у них там хорошо. Театр может многое наглядно показать. Мы считаем, что люди могут и должны поддерживать хорошие театры. Я нигде бы не смогла жить, кроме Петербурга: архитектура, гранит, северная природа. Летом люблю ходить босиком по набережным, а потом опустить ноги в воду. Великий город. Петр здесь в каждом камне. Даже игры пространства происходят с большим юмором, и воспринимать происходящее вокруг я предпочитаю тоже с юмором. Глядя на современную жизнь, часто цитирую горинскую «Поминальную молитву»: «Почему смех? Тевые, почему смех?» — «А что нам еще остается в этой жизни, Берта? Что еще?»

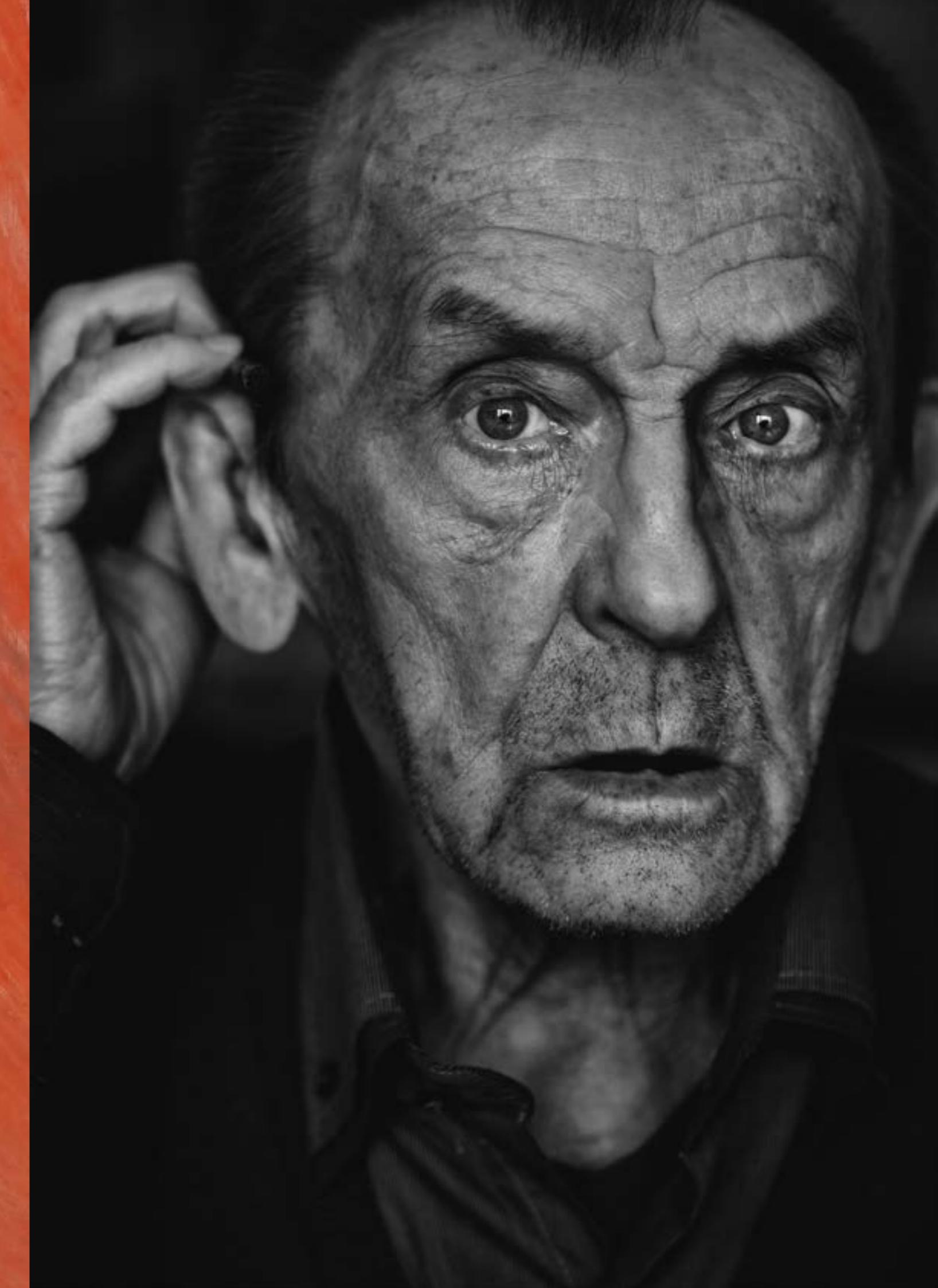
ХОЧУ, ЧТОБЫ БЫЛО ПОНИМАНИЕ — Я НЕ ПРОРОК

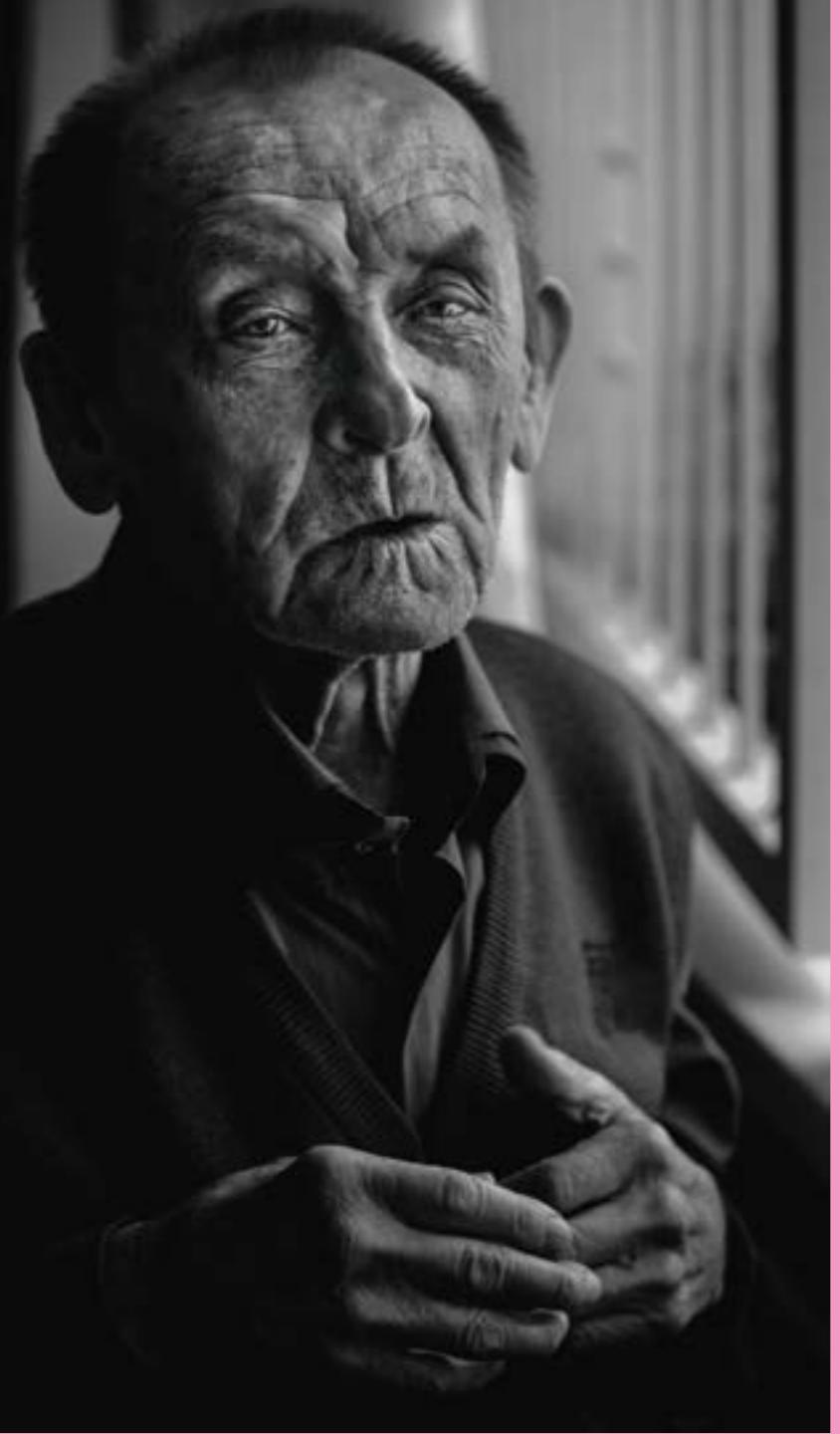
ГЕННАДИЙ

УСТЬГОВ

ОБРАЗОВАНИЕ
ПРОФЕССИИ - ПОДГОТОВКА
К ЕГЭ

Ж

КЛАССИК ЛЕНИНГРАДСКОГО ИСКУССТВА ГЕННАДИЙ УСТЮГОВ — ЕГО ЖИВОПИСЬ ХРАНЯТ В КОЛЛЕКЦИЯХ ЭРМИТАЖА, РУССКОГО МУЗЕЯ И В ЧАСТНЫХ СОБРАНИЯХ ПО ВСЕМУ МИРУ — ЖИВЕТ В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕРНАТЕ, ПИШЕТ СТИХИ И В ЯНВАРЕ 2022-ГО ПОКАЗАЛ ВЫСТАВКУ СВОИХ (ТОЛЬКО НОВЫХ!) РАБОТ В ГАЛЕРЕЕ INVALID HOUSE.

мы попросили друга Геннадия Афанасьевича, фотографа Юрия Молодковца поговорить с художником и сделать его портрет.

ЧАСТЬ 1

Так, ну что, Геннадич, товарищ мой дорогой, давай начнем знаешь с чего? Первое, что... Геннадич, ты меня слышишь? Что?..

Что я хочу сказать...

Говори!

Я поздравляю тебя с твоим юбилеем. 85 лет!

Спасибо.

18 марта. Правильно?

18 марта 1937 года.

Где ты родился?

Я родился в Киргизии! Киргизская ССР, Фрунзенская область, город Токмак, улица Луговая, дом 96. Мать работала портной. Отец — учителем русского языка, киргизов русскому учил. А потом отца забрали в армию, был артиллеристом он.

Когда вы в Ленинград перебрались? Батька нас вывез после войны. 1946 год. Приехали в Петербург. Жили на Лиговке, потом на набережной реки Мойки, Институт академии (Бонч-Бруевича). Нас не прописали в Петербурге, предложили ехать на Карельский перешеек. Батька стал плотником. Мать работала с курами, кормила их, лечила, работала одна нечистую работу.

Когда же ты начал рисовать?

В школе, в Царской деревне. С 7-го класса пошел экзамен сдавать в СХШ.

Ты закончил СХШ?

Нет, отучился три года, и меня исключили по неуспеваемости по общеобразовательным предметам. Плохо знал историю, литературу, математику, физику, химию. Ничего не понимал, чemuчи учили.

И куда пошел?

Работать, на завод «Большевик». Плакаты писал, стенгазеты делал, объявления вешал, карикатуры рисовал на рабочих, кто прогуливал, кто пьянился.

Скажи, а в какой момент, ты считаешь, ты стал художником?

С тобой познакомился.

Ну... это ладно. Ты до знакомства со мной был более чем...

До тебя не рисовал. А так да — натюрморты, в заповеднике, в зоопарке рисовал, пейзажи рисовал, как грустно в деревне.

ЧАСТЬ 2

Геннадич, вот ты когда первый раз в Эрмитаже оказался, какой художник тебя в самое сердце поразил, помнишь?

Рембрандт.

Что скажешь о Рембрандте?

Ему так тяжело было. Он, Рембрандт, похож на меня. Продал картины свои, потом покупал картины. И стал бедным.

Вот окажемся с тобой в Эрмитаже, кого из художников пойдем повидать? Рафаэль, Лотто, Эль Греко, Леонардо.

А к французам, друзьям твоим?

Давай сходим. Чтобы работы их в память оживить. Увидим старые картины французских художников — и дадут они нам здоровья, помолodeем мы.

Ну а импрессионисты — есть у тебя чувство, что кто-то из них твой учитель?

Похоже, я немножко учился у Матисса. А так Дерен мне нравится, Марке, Руссо... Есть в Петербурге любимые места? Михайловский сад, Спас на Крови. Рисовал пейзажи я там, у Спаса.

Не помню ни одного пейзажа твоего у Спаса на Крови.

А я уничтожил их почему-то.

Действительно — почему?

А не знаю. Так тяжело было рисовать эти картины. И вот уничтожил.

Что же такое любовь?

«Небо, как полог ночной,
Брошенный высоко над землей.
Я рукой достаю
И тебе отдаю, как самое дорогое».

«Мне радостно идти за солнцем по земле,
Но сам Бог не знает, как тяжело мне».

«Не затаю я в сердце ненависть
Против врага своего,
От того, что Бог один у нас у всех на земле».

«Если что-то потерял в молодости
Никогда, никогда не найдешь в старости».

«Мимо заборов часто прохожу,
Знаю, что там,
За заборы не захожу».

«Я не знаю тебя, Христос
Но ты мой брат
Обратно к тебе пойдем —
Будем молиться у твоих врат, брат».

«Солдат вернулся,
Стоит у дверей, как ребенок
И не запнулся, а скорей, скорей в дверь
стучать,
А то войне как бы снова не начаться,
Снова войне не начать».

Ну что, Геннадич, видишь, как хорошо. Три тома стихов у тебя. Спасибо.

ЧАСТЬ 4

Тяжело очень.

Это правда. Вот ты, Геннадич, художник, тебе 85 лет. Какой совет дашь молодым художникам? Как им действовать?

Знать многое надо, Юра. И новую, здравую жизнь искать везде и во всем надо. Забыванием оживлять самого себя надо и свои картины оживлять надо забыванием. Чтобы все смотрели на твои картины, зажмурясь: «Что ты за человек? Почему так сделал картины, почему? Что такое на картинах?» Заставлять человека плакать и мечтать, учиться думать по картинам, чтобы быть человеком правды.

Геннадич, серьезный вопрос: что такое правда?

Правда разная бывает, Юра.

Ну, например?

Работа должна быть правдой. И отвечать за свою работу — это тоже правда.

Что, по-твоему, красота?

Жить надо по-человечески. Будет тогда красота тебе вечно.

Геннадий Афанасьевич, я вот сам несколько раз был свидетелем того, что ты рассказываешь про художника, про жизнь его — и плачать начинаешь.

Да, было так, что уж.

А почему плачешь?

Художники — как Боги, Юра. Они радость берут от своей работы — и людям отдают радость и здоровье своими работами, понимаешь? Учат жить по-русски, по-древнерусски учат жить. Учат русских, украинцев, греков, мордову, казахов, немцев — учат всех жить по-человечески. Мечтать заставляют человека, как они сами умеют мечтать.

ЮРИЙ МОЛОДКОВЕЦ

Фотограф Государственного Эрмитажа, коллекционер, галерист. С Устюговым меня познакомил Александр Флоренский, думаю, это произошло в середине 1990-х. Мы приехали в гости к Геннадию Афанасьевичу на улицу Бабушкина, где он жил с мамой в трехкомнатной хрущевке. Стены квартиры были плотно увешаны картинами Мастера и репродукциями мировой живописи. Одна из комнат была превращена в мастерскую художника — еще нетронутые холсты, кисти, палитра, мольберт, книги по искусству, пол был тоже как палитра. Одной из первых картин, купленных мной у Устюгова, была «Девушки с кувшинами» (1999). Она написана поверх другой работы, которая называлась «... красивые люди пустыни?» — если посмотреть на просвет, то можно увидеть три красные фигуры. Стоя перед эрмитажной «Музой» Матисса и рассматривая смещенные красные фигуры под зеленым покровом, я вспоминаю Геннадия Афанасьевича — не зря его называют «русским Матиссом».

Текст и фото Юрий Молодковец